

● ● ●
В четверг я говорю: «Среда!» —
и все согласно мне кивают.
Но я-то знаю. Я-то знаю:
сейчас в календаре — четверг!

Я говорю: «Вот бурундук!» —
хоть это суслик. Это видно.
Кричат: «Как это дальновидно!»
Конечно, это — бурундук!

К тому же — птичка! В облаках
парит, что твой орёл! Как сокол,
пикирует на мелких птах,
на сусликов свивает штопор!»

Я говорю: «Сегодня град!» —
чист небосвод до горизонта.
Но горожане все подряд
плащом укрыты или зонтом.

Скажу: «Потоп!» — и уж ковчег
готов из тёсаного бруса.

... Причалит, перепутав век,
не к Арарату, а к Эльбрусу.

Старателям, моющим золото у посёлка Жайма

1.

Здесь, когда земля была ничья,
местные зверья не обижали.
А теперь рыжеет от рыжья
дикая тайга у речки Жайма.

Золотой ли, каменный ли век,
но, влеком инстинктом незабытым,
всякий век способен человек
превратить в пещерно-первобытный.

И кричит беспомощно тайга,
и земля отверстой раной вторит.
Ободрав природу донага,
человек оставил след в истории.

2.

А выше — ручей, перекаты,
студёная свежесть воды...
Не видеть вам в жизни, ребята,
огня путеводной звезды.

Да будут потомки вас вечно
ловить в перекрестье судеб.
Вам пить из отравленной речки,
вкусать вам отравленный хлеб.

И как-то под старость, под вечер,
когда уже некому лгать,
вам вспомнится мёртвая речка
и злая, большая тайга.

● ● ●
Натянутая тетива ли
звонит или струна моя?
Всё реже снятся фестивали.
Всё чаще — тайны бытия.

Не то чтоб подступает старость —
рука тверда, глаза сухи.
Но — реже песни под гитару.
Но — чаще скорбные стихи.

Вот и сейчас, на склоне лета
(до сентября подать рукой),
простились мы с одним поэтом.
Прими, Господь, и упокой.

Поговорив, погоревали —
и разошлись, печаль жуя...
Всё реже снятся фестивали.
Всё чаще — тени бытия.

Письма из города

Письмо первое

Мы здесь живём затем, чтобы постичь
верховность времени, презумпцию пространства.
У вас — не то. В зарю горланя клич,
петух поёт о пользе постоянства.

Былая связь становится слабей.
Тисками времени пространство гнёт и плющит.
Мы здесь затем, чтоб думать о себе,
не допуская мысли о грядущем.

Благоухает стирками бельё,
и нет заплат на нём, и нет следов от штопки.
Бросаясь бликами, сверкает сталью штопор,
в тугую пробку цели остриё.

Летит в пространство наш победный клич.
Мы здесь живём. Нам время не постичь.

Письмо второе

Не все слова сопровождает музыка.
Не всякой музыке сопутствуют слова.
Весенний ветер пахнет то арбузами,
то огурцом. Торопится трава
на белый свет взглянуть. И с тополей
весенний дух сочится, как елей.

Я не певец. Я только составитель слов.
У воробьёв — восторг, гремит в кустах симфония.
Что убиваться в поисках гармонии,
когда на птиц такое снизошло?
Они аккорд составят — и кричат.
И нотный куст от воробьёв курчав.

Весна из города совсем не так видна,
как из деревни. К нам грачи не прилетают, и
не гомонят ручьи. Сугробы стаяли
тому назад уж месяц. Или два.
Река бурлит, колышутся валы.
А на горах ещё снега белы.

Весна за городом ступает не спеша,
цветы зимы не похоронит заживо,
а, постепенно красоту круша,
звучит в лесах торжественным адажио.
Но эта даль от нас так далека,
что нам её не разглядеть никак.

Из города не видно ничего.
Здесь даже звёзды далеки и тусклы.
Нам кажется, река меняет русло,
а это мы бьём времени челом.
И далека, недостижима даль.
Нам не уйти отсюда никуда.

Письмо третье

Я за троих стараюсь. Я за вас
сопротивляюсь лени и застою.
Я, может быть, чего-нибудь и стою —
но только с вами. Ничего — без вас.

Мы были вместе. Время шло вперёд.
И я писал, не зная, что — пророчил,
что точка встанет вровень с многогощем
и что всему настанет свой черёд.

Я к вам писал. А может быть — к Нему.
Мы были вместе. Лист осенний падал.
И мы, ведомы первым листопадом,
трясли судьбы дырявую суму.

Прошло сто лет. И триста лет пройдёт.
Спрошу себя, устроюсь на диване:
— А где Любовь? — А Лыбедью плывёт.
— А как Андрей? — Всё так же: Первозванен.

Письмо четвёртое

Ночь за окном. Собака где-то тьякнет:
«Спокойной ночи!» — тьякать ей не лень.
Увядающая сирень иначе пахнет,
чем пахнет
не увядающая сирень.

Она стоит на кухне, дожидая
последние не дни уже — часы,
и пахнет, пахнет, будто бы желая
всю нашу жизнь поставить на весы.

Что мы смогли? Чего мы не достигли?
Где нам зачтётся, где — простится, что ж...
Как грёзы, кисти белые поникли.
Былой букет на ничегого похож.

Иль на пророка он похож, скорее.
И с тем, и с этим есть черты родства.
Букет увядший делится щедрее
не ароматом —
скорбью естества.

Письмо пятое

Что нам в тебе, немытая река?
Течёшь, не так свирепа, как мелка,
к большой реке речушкой течёшь —
что нам в тебе?
А впрочем, вот что:
наш фривольный быт
твоей водой одобрен и омыт.
Мы двадцать лет сидим, как рыбаки,
на берегу,
и поплавки шевелятся порой.
И гаснет солнце за большой горой.

И мы таскаем рыбку изредка—
мала, но есть.
Я и Она—такие рыбаки!..
До дна измерив глубину реки
скорее взглядом, чем длиной снастей,
мы не смогли
понять: что ждёт нас, что таит вода?
Не оставляя мокрого следа,
ты не сильней течёшь и не слабей.
Что в нас—тебе?

Письмо шестое

Пора разобраться: что я в тебе люблю?
Люблю закаты твои. Люблю рассветы.
Люблю рыбаков, обожжённых солнцем и ветром,
стоящих вдоль берега речки Переплюй.

Люблю свинцовую гладь другой реки—
великой, в которой лето зимы не жарче.

Нынешним утром солнце светит тем ярче,
чем реже на голубом—белил мазки.

Я шляюсь по скверу, сплетаю ажурный стих.
Топочут голуби рядом, подачки просят.
Я в жизни что-то понял, что-то постиг.
Но нет у меня ни пшеницы, ни ржи, ни проса.

Ну что ещё я в тебе не могу не любить?
Ты свёл меня с той, с которой до смерти буду,
наставил меня—что мне делать и как мне быть.
Это не чудо ли? Это, конечно, чудо.

Время торопится. Стрелки спешат к «нулю».
На мелкой реке мальки рыбаков канают.
Скажи мне: за что же я тебя не люблю?
А я и не знаю уже.
Уже и не знаю.